

Время. 1863. №2.

НОВОЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ И НАША КРИТИКА

(письмо въ редакцію «Времени»)

Хвалу и клевету приѣмили равнодушно.
Пушкинъ.

—

Позвольте мнѣ, милостивый государь, напомнить вамъ одно мое скромное мнѣніе, которое я уже давно имѣлъ честь изложить въ одномъ изъ моихъ писемъ. Я осмѣливался нѣкогда утверждать, что наша изящная литература несравненно выше нашей критики и что она отъ этой критики независима и безопасна. Чѣмъ далѣе я наблюдаю нашу литературу съ тѣмъ прилежаніемъ и вниманіемъ, которое вамъ извѣстно, тѣмъ сильнѣе я убѣждаюсь въ этой истинѣ. Въ настоящее время я готовъ сказать даже болѣе; я готовъ утверждать,

что наша изящная литература есть явление глубоко-нормальное и прекрасное, тогда какъ наша критика есть явление безобразное и уродливое; что въ нашей изящной литературѣ обнаруживаются истинно-живыя стремленія, и многообѣщающіе зародыши, тогда какъ наша критика мелка и поверхностна до послѣдней степени возможности; что не только наша изящная литература независима и безопасна отъ нашей критики, но что наша критика даже не имѣетъ ничего общаго съ нашей изящной литературой, что она ровно ничего въ ней не понимаетъ и, говоря о ней, говоритъ о чемъ-то другомъ.

На первый взглядъ такое мнѣніе можетъ показаться дерзкимъ; но прошу васъ не поддаваться подозрѣніямъ относительно моей скромности. Я знаю, что критика, о которой я говорю, имѣла и имѣетъ у насъ огромный вѣсъ, пользовалась и даже доселѣ пользуется великимъ почетомъ и вниманіемъ. Я знаю, что въ ней видѣли залогъ всего нашего прогреса и вообще приписывали ей безчисленныя достоинства.

Ничего этого я не отвергаю; ни единого изъ этихъ достоинствъ я не думаю дерзновенно оспаривать. Вы не имѣете права предполагать во мнѣ подобной злобы и коварства. Я хочу только сказать, что при всѣхъ своихъ неотъемлемыхъ достоинствахъ, наша критика ничего не понимала и отучила своихъ послѣдователей понимать что-нибудь въ изящныхъ произведеніяхъ нашей словесности. Чтожь? Тутъ кажется нѣтъ еще ничего особенно дурного. Кто дурно поетъ, тотъ какъ извѣстно можетъ утѣшаться тѣмъ, что онъ хорошо ведетъ себя; кто пишетъ плохіе стихи, тотъ можетъ еще услаждать себя мыслью о твердости своего характера и добротѣ своего сердца. Такъ точно и здѣсь. Велика бѣда - изящныя произведенія! Развѣ мало есть предметовъ несравненно болѣе значительныхъ, вопросовъ несравненно болѣе важныхъ? Слѣдовательно сказать, что критика непонимала изящныхъ произведеній, но зато понимала множество другихъ

прекраснѣйшихъ и глубочайшихъ вещей, еще не значить поносить критику.

Такимъ образомъ я заранѣе соглашаюсь, что говорю о мелочахъ; я очевидно поднимаю вопросъ, ничтожный по своему объему и значенію. Но чтоже дѣлать? Вѣдь вы меня знаете. Быть-можетъ я былъ достоинъ лучшей участи, но неумолимая судьба назначила мнѣ быть ревностнымъ читателемъ нашихъ журналовъ и принимать въ ихъ толкахъ сердечное участіе.

И такъ начнемъ. Приведу вамъ по порядку новыя доказательства моей старой мысли.

Маленькая газета «Очерки» жестоко упрекаетъ «Время» въ томъ, что оно не дѣлаетъ между писателями надлежащаго различія. «У него, пишетъ она, и Петръ и Иванъ, и Сидоръ и Карпъ - все люди равно милые, т. е. и Тургеневъ хорошъ и Островскій также, и Помяловскій и Писемскій, и Аполлонъ Григорьевъ и Щаповъ, и Владиміръ Фуксъ и Щедринъ.»

Я запятая поставилъ вѣрно, но для большей ясности я изображу этотъ списокъ такъ:

И Тургеневъ и Островскій,
И Помяловскій и Писемскій,
И Аполлонъ Григорьевъ и Щаповъ,
И Владиміръ Фуксъ и Щедринъ.

Теперь каждый догадается въ чемъ дѣло. Въ каждой парѣ этихъ именъ одно по мнѣнію «Очерковъ» невозвратно забраковано, а другое еще чисто и ничѣмъ непомрачено. Тургеневъ забракованъ, Островскій нѣтъ; Писемскій забракованъ, а Помяловскій нѣтъ; Аполлонъ Григорьевъ забракованъ, а Щаповъ нѣтъ; Владиміръ Фуксъ забракованъ, а Щедринъ нѣтъ¹.

И такъ «Очерки» упрекаютъ «Время», что оно дотога слѣпо, до того не понимаетъ цѣны вещей, что признаетъ напимѣръ достоинства и Островскаго и Тургенева,

¹ Сдѣлаю ученое примѣчаніе. Странное сопоставленіе Владиміра Фукса со Щедринымъ! Кромѣ того по точнѣйшимъ изысканіямъ оказывается, что Владиміра Фукса забраковалъ «Русскій Вѣстникъ», т. е. врагъ многихъ вещей, любимыхъ «Очерками» и врагъ «Очерковъ» по преимуществу. Но въ случаѣ нужды враги какъ видно становятся намъ друзьями?

тогда какъ Островскій есть человѣкъ весьма годный, а Тургеневъ никуда не годный.

Хорошъ упрекъ! На него мнѣ кажется, милостивый государь, слѣдовало бы отвѣчать такъ: нужно совершенно перепутать свои понятія, нужно до безобразія извратить и исказить свои отношенія къ художественнымъ произведеніямъ, для того чтобы отвергать великія достоинства Тургенева. Какъ Островскій, такъ равно и Тургеневъ суть явленія дотого огромныя, что ошибиться въ большихъ размѣрахъ того и другого одинаково невозможно: стоитъ только открыть глаза, чтобы исчезло всякое сомнѣніе. Если же наша критика глядитъ свысока на Тургенева и принимаетъ его за какого-то пигмея, то причина этому можетъ-быть только одна: у нашей критики вѣроятно глаза на затылкѣ.

Попробуемъ вникнуть въ дѣло. За что въ самомъ дѣлѣ раздаются эти нескончаемые упреки, за что сыплются на Тургенева эти безчисленныя обиды, за что чуть ли не

ежедневно порицается онъ не въ одномъ, такъ въ другомъ мѣстѣ? Все это за то, что самъ онъ забраковалъ Базарова, что въ своемъ послѣднемъ романѣ онъ развѣнчалъ и казнилъ его. До этого романа Тургеневъ былъ предметомъ всеобщаго почтенія, считался первымъ русскимъ литераторомъ; впечатлительные люди изъ его знакомыхъ постоянно видѣли его во снѣ, и въ цѣлой литературѣ онъ не встрѣчалъ ни одного враждебнаго голоса.

Чтоже такое случилось? что такое сдѣлалъ Тургеневъ? Пересталъ онъ чтоли быть прежнимъ Тургеневымъ? Измѣнилъ самому себѣ? Сталъ признавать то что прежде отвергалъ и осуждать то что прежде хвалилъ?

Нисколько и ни чуть не бывало. Конечно онъ разоблачилъ, развѣнчалъ и казнилъ Базарова; но наша критика была значить совершенно слѣпа, если не замѣчала, что онъ занимается подобными дѣлами давно, что развѣнчиваніе и казнь разныхъ представителей составляетъ даже главное его занятіе. Передовой человѣкъ,

носитель думъ поколѣнія - составляетъ постоянную тему его созданій, и несостоятельность передового человѣка - постоянный выводъ, который въ нихъ таится. Тургеневъ казнилъ иногда даже жестоко, безчеловѣчно: вспомните «Гамлета щигровскаго уѣзда»; вѣдь этотъ юноша былъ также передовымъ человѣкомъ въ Москвѣ, былъ ораторомъ и звѣздою тамошнихъ кружковъ. Другіе были казнены мягче, но все-таки казнены. Одинъ за другимъ были разоблачены и сведены съ пьедесталовъ и Веретьевъ - сильная натура, и Рудинъ - энтузіастъ, и Инсаровъ - человѣкъ дѣла; таже судьба наконецъ постигла и Базарова. Съ напряженнымъ вниманіемъ Тургеневъ всматривается въ эти типы; но по страшной силѣ своего анализа, по изумительной тонкости пониманія, онъ не можетъ на нихъ успокоиться и развѣнчиваетъ ихъ одинъ за другимъ. Онъ постоянно не увлеченъ до конца, постоянно смотритъ скептически.

Если же такъ, то какъ же могло случиться, что послѣднее его дѣло,

послѣдняя казнь, совершенная имъ надъ послѣднимъ героемъ, показалось какою-то удивительною новостью? Кто могъ быть до того ослѣпленъ, что ожидалъ пощады отъ такого проницательнаго человѣка? Кто могъ быть до того наивенъ, до того простодушенъ и самодоволенъ, что ожидалъ похвалы отъ Тургенева? Нечего сказать, куда какъ пристало Тургеневу - расточать похвалы! Ждите отъ него воскурений - скоро дождетесь!

Есть конечно вещи, которыя хвалить Тургеневъ, но всякій долженъ бы уже давно замѣтить что это за вещи. Онъ чутокъ къ красотамъ природы; онъ восхищается лѣсомъ, лугомъ, рѣкою, и притомъ съ удивительнымъ мастерствомъ умѣетъ рисовать нашу природу, «эту бѣдную природу». Въ человѣческомъ же мѣрѣ онъ съ невозмущаемою любовью останавливается на томъ что попроще, на томъ что прежде называлось «непосредственнымъ»; онъ любитъ на какого-нибудь Касьяна съ Красивой Мечи, на какую-нибудь глупенькую Феничку, на

старушку-мать Базарова... Но какъ скоро дѣло идетъ о представителѣ, о человѣкѣ развитомъ и передовомъ, на сочувствіи и любви дѣло не останавливается: мирныя отношенія начинаютъ колебаться, Тургеневъ вдумывается, разлагаетъ, анатомируетъ, и кончаетъ тѣмъ, что осуждаетъ.

По случаю матери Базарова наша критика съ злобою укорила поэта, зачѣмъ онъ похвалилъ эту женщину. Чтоже дѣлать! Похвала не вамъ досталась и Богъ-знаетъ когда еще достанется. Вы думаете я говорю о Тургеневѣ? Вовсе нѣтъ; я говорю о поэзіи; нескоро вы дождетесь, чтобы поэзія возвела васъ въ свѣтлый идеаль.

Въ самомъ дѣлѣ, чтоже значить вся эта дѣятельность Тургенева? Ужь нѣтъ ли тутъ умысленной вражды къ прогресу? Ужь не пишетъ ли онъ своихъ романовъ съ заднею мыслью? Не осуждаетъ ли своихъ героевъ нарочно, злонамѣренно? Какое странное предположеніе! Нѣтъ, не такъ дѣлаются поэтическія дѣла; невозможно ихъ объяснять такимъ образомъ. Поэты менѣе

властны надъ собою, чѣмъ другіе люди; они могутъ создавать только то, что вытекаетъ изъ самой глубины ихъ души, въ чемъ они участвуютъ цѣлымъ своимъ существомъ; нарочно они ничего поэтического произвести не могутъ. И на Тургеневѣ, какъ на истинномъ поэтѣ это подтверждается наияснѣйшимъ образомъ. Посмотрите въ самомъ дѣлѣ на то, какъ онъ относится къ своимъ героямъ. Если онъ привязывается къ нимъ съ такимъ настойчивымъ вниманіемъ, то это прямо зависитъ отъ его расположенія любить ихъ и вѣрить въ нихъ. И онъ дѣйствительно иногда успѣвалъ обмануть себя до того, что вѣрилъ въ нихъ, - вѣдь онъ явно вѣрилъ въ своего Инсарова. Онъ дѣйствительно любитъ своихъ героевъ; это совершенно ясно въ его отношеніи къ Рудину, и замѣтно даже въ отношеніи къ Базарову. Но чтоже выходитъ? Страшная сила анализа и изумительная тонкость пониманія не даютъ примиренія поэту и идутъ наперекоръ его симпатіи; они постоянно одерживаютъ верхъ и за ними остается послѣднее слово, окончательный

приговоръ. Вспомните въ самомъ дѣлѣ Рудина: вѣдь Тургеневъ самъ не свой, вѣдь онъ чуть не плачетъ, разоблачивъ и развѣнчавъ эту любимую фигуру. Но не быть искреннимъ и правдивымъ настоящій поэтъ не можетъ; и вотъ онъ хоть и плачетъ, а казнить своего героя. Нѣчто подобное было и съ Базаровымъ. Скажу больше: даже и Гамлетъ щигровскаго уѣзда мнѣ кажется не обошелся поэту безъ нѣкоторой боли.

Если же мы убѣдимся въ этомъ (а кажется это ясно), то мы увидимъ, что Тургеневъ есть одинъ изъ людей наиболѣе болѣющихъ своимъ вѣкомъ, что онъ представитель и выразитель одной изъ глубочайшихъ сторонъ нашей жизни. Вотъ въ самомъ дѣлѣ человекъ до страсти, до болѣзни увлеченный идеею прогреса. Онъ слѣдитъ за нею всею зоркостью своего поэтического ума; онъ безпрестанно ищетъ, онъ ждетъ съ минуты на минуту - вотъ-вотъ эта идея воплотится, вотъ она приметъ живыя черты. Но пожираемый желаніемъ видѣть свой идеалъ въ дѣйствительности,

поэтъ въ тоже время полонъ безпощаднаго анализа и самаго пронзительнаго скептицизма. Имъ обладаетъ въ высокой поэтической степени тотъ бѣсъ, о которомъ одинъ изъ критиковъ говорилъ въ шуточныхъ стихахъ, намекающихъ впрочемъ на серьезныя мысли:

Бѣсъ отрицанья, бѣсъ сомнѣнья,
Бѣсъ отвергающій прогресъ.

Многіе радостно подчинялись этому бѣсу и усердно одобряли все что совершалось по его внушеніямъ. Но когда этотъ самый бѣсъ внушилъ Тургеневу коснуться и этихъ многихъ, тогда они вдругъ стали увѣрять, что у насъ есть прогресъ, котораго нельзя отвергать, котораго никакой бѣсъ не смѣетъ подвергать отрицанію, и въ которомъ сомнѣваться - сущее святотатство...

И оказалось слѣдовательно то что давно извѣстно: сомнѣніе для людей трудно и невыносимо, для нихъ легче и пріятнѣе вѣра; скептицизмъ у нихъ бываетъ только

на губахъ, въ сердцѣ же навѣрное поклоненіе не тѣмъ такъ другимъ идоламъ.

Во всякомъ случаѣ нельзя не признать крайне забавнымъ то, что наша критика такъ поздно спохватилась относительно Тургенева. Занятая разными важными предметами она только тутъ, только въ послѣднемъ романѣ увидѣла, что онъ человѣкъ вольнодумный, дерзкій, неуважительный. Между тѣмъ онъ всегда былъ такой, онъ постоянно отличался самымъ яркимъ вольнодумствомъ. Какъ же можно было не замѣчать этого такъ долго?

Отъ Тургенева я перейду къ Островскому, и докажу вамъ ясно и основательно, что и въ отношеніи къ нему наша доблестная критика столько же слѣпа, какъ и въ отношеніи къ Тургеневу. Такимъ образомъ мы придемъ къ блистательному результату, что забракованъ ли писатель или не забракованъ, все равно критика въ немъ ничего не понимаетъ, и слѣдовательно ея похвалы столь же мало значать, какъ и ея порицанія.

Островскій давно извѣстенъ; подобно многимъ онъ не вдругъ завоевалъ себѣ свою добрую славу. А. Григорьевъ стяжалъ себѣ почетные лавры, горячо стоя за него съ самаго начала его поприща и сразу указывая въ немъ новое слово нашей словесности. Но не мало было и противниковъ у Островскаго, начиная отъ Панаева и до Н. Ф. Павлова. Безъ всякаго сомнѣнія въ лѣтописи отечественной словесности занесется какъ особенно-важный фактъ то, что «Отечественныя Записки» постоянно были и остаются до сего дня враждебны Островскому. Какъ бы то ни было, сила взяла свое: Островскій занялъ наконецъ въ глазахъ публики высокое и непоколебимое положеніе.

Чтоже однако дѣлается? Вотъ онъ написалъ новую драму «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», которую уже знаютъ ваши читатели. Драма разумѣется тотчасъ же становится на театрѣ въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Публика толпою стекается на представленіе; слушаютъ и смотрятъ съ величайшимъ вниманіемъ; драма увлекаетъ,

потрясаетъ; слѣдуютъ восторги, рукоплесканія, крики: «автора, автора, автора!...»

Вслѣдъ за тѣмъ тотчасъ же во всѣхъ газетахъ и журналахъ являются самые лестные отзывы: новая-де драма Островскаго есть пріятное событіе, оживившее нашу сцену; она какъ всегда полна глубокаго смысла; она поражаетъ зрителя вѣрностію и жизненностію и проч.

Но этого мало. Представленіе пьесы вообще есть дѣло рискованное и часто очень печальное и неудачное; первое представленіе новой драмы было дѣйствительно въ конецъ испорчено г. Бурдинымъ, исполнявшимъ главную роль. Но это было заглажено съ избыткомъ; во второмъ представленіи Островскому истинно посчастливилось (говоримъ разумѣется о Петербургѣ): въ главной роли пьесы явился актеръ изумительный, несравненный; г. Васильевъ если возможно превзошелъ самого автора въ созданіи лица Краснова: передъ нами былъ живой человѣкъ съ совершенной цѣльностью

характера, съ теплотою жизни въ каждой чертѣ, въ каждомъ движеніи. Впечатлѣніе было поразительное, невыразимое.

Итакъ кажется ничего лучше и желать нельзя. Между тѣмъ если вникнуть въ дѣло какъ оно есть, то невольно возьметъ грусть или злость. Оказывается, что если часть публики, по той необыкновенной чуткости, которая никогда не исчезаетъ въ публикѣ, хорошо поняла драму, съумѣла оцѣнить Васильева, то зато другая часть осталась довольна Бурдинымъ, поняла драму на выворотъ, однимъ словомъ смотрѣла и не видѣла, слушала и не слышала.

А что всего плачевнѣе - оказывается, что къ этой-то части публики, къ числу зрителей, неспособныхъ понимать драму Островскаго и игру Васильева, принадлежатъ и всѣ тѣ рецензенты и критики, которые потомъ на разные лады толкуютъ о драмѣ въ разныхъ газетахъ и журналахъ.

Докажу это подробно. Читатели вѣроятно хорошо помнятъ драму, но я

скажу нѣсколько словъ о ней ради нѣкотораго весьма простого поясненія.

Каждый, кто сколько-нибудь понимает Островскаго, совершенно ясно видитъ, что въ новой драмѣ у него опять выведено столкновение двухъ различныхъ міровъ; съ одной стороны коренного, крѣпкаго міра русскаго купечества, съ другой - такъ-называемаго міра проходимцевъ, міра полуобразованныхъ людей, которые такъ или иначе приходятъ въ столкновение съ крѣпкою почвою народной жизни. Неразъ уже Островскій изображалъ это столкновение: на примѣръ оно составляетъ главную пружину драмы «Не въ свои сани не садись». Какъ взаимное дѣйствіе двухъ разнородныхъ, несогласныхъ началъ, это столкновение вообще способно переходить въ борьбу и слѣдовательно порождать драму и трагедію.

Двѣ различныя полосы людей совершенно ясно видны въ «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ». Представители коренного русскаго міра здѣсь - Архипъ, Афоня, Красновъ, его сестра со своимъ

мужемъ, Зайчиха. Изъ числа ихъ Красновъ, главный герой драмы, полюбилъ и взялъ за себя замужъ «распрекрасную барышню», Таню, т. е. взялъ жену изъ другого міра, изъ міра проходимцевъ. Остальные члены этого второго міра - Жмигулина, Бабаевъ, Шишгалева, Карпъ.

Стоитъ только припомнить эти лица, для того, чтобы сталъ ясенъ характеръ той и другой сферы, чтобы увидѣть, какой изъ нихъ принадлежать законныя симпатіи автора. Съ одной стороны свѣтлый старикъ Архипъ, болѣзненно-любящій и раздражительно-правдивый Афоня, страстный, дѣятельный, гордый Красновъ; съ другой стороны Жмигулина, помѣшанная на своей образованности, Бабаевъ, пустѣйшій изъ пустыхъ людей и даже сама Таня, не умѣющая и неспособная понять ничего что дѣлается въ сердцѣ ея мужа.

Читатели конечно помнятъ, какъ правильно разворачивается драма, съ какой неумолимой послѣдовательностію она идетъ къ своему разрѣшенію, къ убійству Тани. Міръ проходимцевъ раскидываетъ свои

мишурныя сѣти, начинаетъ двигать своими куклами, живущими фальшивой жизнью; Жмигулина изъ чистѣйшей любви къ искусству сводитъ свою сестру съ Бабаевымъ; Бабаевъ отъ нечего дѣлать и не чувствуя даже надобности помыслить о томъ что дѣлаетъ, ухаживаетъ за Таней и соблазняетъ ее; Таня обманываетъ мужа и измѣняетъ ему, не вздумавъ ни разу пожалѣть о немъ. Въ то же время въ противоположномъ мірѣ совершаются явленія совершенно иного рода: передъ нами страстная, истинная любовь Краснова къ женѣ; далѣе - трогательныя его усилія подавить свою ревность; примирительныя, святыя рѣчи Архипа, которыми онъ успокоиваетъ больную душу Афони и разсѣваетъ душевную бурю Краснова; невыразимая радость Краснова, обманутаго ложной нѣжностью жены; постоянная, до послѣдней минуты неослабѣвающая забота, съ которою онъ хранитъ жену отъ малѣйшаго оскорбленія и наконецъ роковой порывъ страсти - убійство.

Кто же виновать въ преступленіи? Очевидно вина его лежитъ на непримиримомъ разладѣ жизни, на ея странномъ раздвоеніи; этого разлада жизнь не выносить и мститъ за него громовымъ, разрушительнымъ ударомъ. Но при этомъ какой міръ является судьей? Который изъ двухъ міровъ заключаетъ въ себѣ центръ тяжести драмы? Очевидно тотъ міръ, изъ котораго вылетаетъ молнія, міръ коренной русской жизни, въ которомъ проявляются дѣйствительныя, живыя силы, тогда какъ міръ проходимцевъ есть міръ до конца фальшивый и призрачный. Только въ первомъ мірѣ и происходитъ и можетъ произойти трагедія; міръ же проходимцевъ представляетъ и способенъ представить только комедію. Въ мірѣ Краснова, какъ онъ самъ говоритъ, «душа есть-съ, а воспитанія нѣтъ»; въ мірѣ же Жмигулиной наоборотъ есть жмигулинская образованность, да нѣтъ души. Не Таня жертва, хоть она и убита; истинная жертва - самъ Красновъ, потомучто только онъ одинъ способенъ быть жертвою, способенъ

такъ глубоко жить, такъ сильно любить и страдать, какъ онъ любить и страдаетъ. «Не погуби молодца!» заочно обращается къ женѣ Красновъ. Но она его губить и онъ отъ нея гибнетъ.

Все это ясно, какъ дважды-два четыре. Даже становится странно и совѣстно объяснять эти простѣйшія вещи, когда онъ такъ рѣзко, выпукло, съ красками и тѣнями, со всею плотью и кровью выражены въ самой драмѣ. Но что же прикажете дѣлать, когда въ глазахъ многихъ бѣлое кажется чернымъ и наоборотъ?

Первую рецензію на новую драму мы встрѣтили въ «Спб. Вѣдомостяхъ» (№ 25). Взглядъ рецензента сейчасъ же обнаруживается. По его мнѣнію міръ, въ которомъ совершается драма, есть «темное царство самодурства» и герой драмы Красновъ не что иное, какъ «влюбленный самодуръ». Онъ будто бы «ни мало не печалится», что Таня его не любитъ; онъ даже вполне знаетъ, что она его «не можетъ любить», потому-то (о логика!)

когда она приласкалась къ нему, онъ и спрашиваетъ ее: «скажи ты мнѣ, за что ты меня любишь?»

О борьбѣ Краснова съ самимъ собою, о томъ, какъ онъ отпускаетъ Таню къ Бабаеву, о томъ, какъ онъ защищаетъ ее до послѣдней минуты не сказано ни слова, напротивъ сказано прямо, что «Красновъ пускаетъ въ ходъ обыкновенныя привычки самодурства, какъ-то: грубость обращенія, запрещеніе выходить изъ дому и т. п.».

Объ Архипѣ и Афонѣ ни слова, какъ-будто ихъ и не бывало.

Изъ всего выходитъ, что Таня есть жертва темнаго царства, а живое начало драмы, то жизненное явленіе, которое главнымъ образомъ имѣетъ право на сочувствіе - есть пламенная страсть Тани къ Валентину Павловичу Бабаеву.

Однимъ словомъ мнѣніе рецензента совершенно сходится съ мнѣніемъ образованной дѣвицы Жмигулиной: «совсѣмъ, совсѣмъ не такого я Танѣ счастья ожидала. Судя по красотѣ ея, да по

тому, какіе люди на нее заглядывались, ей бы въ каретѣ ѣздить» и пр.

Вторая рецензія по порядку времени явилась въ «Иллюстраціи» (1863, 31 янв.). У рецензента повидимому есть многое что нужно для того, чтобы понять сущность драмы. Онъ довольно вѣрно цѣнить дѣйствующія лица, за исключеніемъ Афони, котораго никакъ не цѣнить, и Архипа, о которомъ говоритъ: «онъ ходячій трупъ и больше ничего; въ третьемъ дѣйствии онъ правда пытается помирить мужа съ женою, но дѣйствуетъ тутъ безъ всякихъ принциповъ, руководимый единственнымъ отвлеченнымъ побужденіемъ, чтобы вокругъ было все мирно и тихо», и пр. въ томъ же родѣ.

Но рецензентъ смотритъ на Краснова, какъ на «личность, полную святыхъ, прекрасныхъ задатковъ», на Таню, какъ на «пустую, безхарактерную женщину». Чтоже однакоже онъ выводитъ изъ драмы? Въ чемъ находитъ ея смыслъ? Въ борьбѣ Краснова съ тѣмъ темнымъ царствомъ, которымъ онъ окружонъ. Красновъ по

мнѣнію рецензента олицетворяетъ въ себѣ протестъ противъ темнаго царства; онъ идетъ новою дорогою, отвергаетъ старыя правила. И вотъ царство самодуровъ вооружается на этого протестанта и «скрежеща зубами» ищетъ случая погубить его. Такимъ случаемъ и была измѣна Тани. «Этого только и надо было, - пишетъ рецензентъ, - темнымъ личностямъ, окружавшимъ Краснова, этого только и ждали они. Съ злоехидною радостію стараются они возбудить ревность въ Красновѣ и разжигаютъ ее своими насмѣшками и наговорами до послѣднихъ предѣловъ. Убѣжденный въ измѣнѣ жены, въ изступленіи Красновъ ищетъ ножа; Афоня спѣшитъ сунуть ему ножъ въ руки и Красновъ убиваетъ жену. Въ этомъ кровавомъ исходѣ заключается полное торжество темныхъ людей». «Радость ихъ такъ сильна, что они не могутъ выговорить слова, и только Афоня обнимаетъ Краснова и прижимаетъ его къ груди».

О темное царство! темное царство! Вѣдь какъ ты крѣпко засѣло въ нашихъ

свѣтлыхъ головахъ! Сидимъ мы въ театрѣ, смотримъ и слушаемъ драму Островскаго и только и думаемъ, какъ бы намъ укорить и обвинить темное царство. И до того сильно въ насъ это желаніе, до того мы поглощены мыслью найти въ немъ всякія вины, что мы наконецъ видимъ и слышимъ не то что дѣлается на сценѣ, что несмотря на открытые глаза и уши, намъ мерещится какъ Афоня подаетъ ножъ Краснову и какъ убійство Тани возбуждаетъ не ужасъ, а восторгъ, доходящій до онѣмѣнія.

Ужели же Красновъ похожъ на человека, который дѣйствуетъ подъ чужимъ вліяніемъ, а не по собственнымъ побужденіямъ? Гдѣжь послѣ этого смыслъ всей его фигуры? Красновъ именно отличается тѣмъ, что все время дѣйствуетъ отъ себя, что ни разу ни въ чемъ не подчиняется ничьему внушенію, кромѣ всемогущаго внушенія своей страсти къ Танѣ. Такой ли онъ человекъ, чтобы сносить вліяніе, и такіе ли около него люди, чтобы они могли имѣть на него вліяніе? Даже въ тѣхъ понятіяхъ, которыми онъ

выражается, въ тѣхъ началахъ, которыя онъ повидимому признаеть, ему нельзя вѣрить. Что для него власть мужа? То предлогъ, чтобы до его Тани никто не смѣлъ волоскомъ дотронуться, то предлогъ - мстить ей и убить ее. Что для него правило - стерпится слюбится? Только поводъ къ страстной надеждѣ, что жена его когда-нибудь его полюбитъ. Что для него уваженіе къ старому Архипу? «Мое горе,» говорить онъ ему, «мое собственное» и «не такое дѣло, чтобъ совѣта просить!»

Какъ же можно было сказать, что онъ убилъ жену, подстрекаемый другими? «Они,» говорить рецензентъ, «разжигаютъ въ немъ ревность.» Да развѣ Красновъ самъ не ревнивъ до послѣдней своей жилки? Кому же и быть ревнивымъ какъ не ему! Онъ забрался высоко, онъ взялъ за себя барышню; вѣдь это похоже на то, какъ черномазый негръ Отелло взялъ за себя бѣлокожую венеціанку. И не по пустой прихоти, не изъ мелкаго тщеславія Красновъ женился на Танѣ; нѣтъ, его сушила любовь, его томила страсть,

постоянно жаждавшая отвѣтной страсти, постоянно боявшаяся, что изменить возможное счастье. Рисковое дѣло затѣялъ Красновъ, и онъ мучительно чувствуетъ каждую минуту свое роковое положеніе. Посмотрите, онъ отказывается пить, онъ ссорится изъ-за жены съ родными, онъ самъ не свой - еще прежде чѣмъ является на сцену Бабаевъ. Какъ же возможно сказать, что ревность въ немъ возбуждена насмѣшками и наговорами родныхъ? Ревность прямо вытекаетъ изъ его характера, изъ его положенія, созданнаго его характеромъ.

Когда же совершается убійство, то не ликуетъ темное царство, какъ это привидѣлось рецензенту. Въ темномъ царствѣ много свѣта, и на этотъ разъ самымъ близорукимъ глазамъ кажется можно бы было замѣтить, что фигура Архипа насквозь проникнута свѣтомъ. Архипъ произноситъ приговоръ; онъ въ этомъ случаѣ представитель «темнаго царства» и объявляетъ его рѣшеніе. «Жена твоя виновата», говоритъ онъ Краснову,

«но не ты ей судья, а одинъ праведный Богъ.» Вотъ приговоръ женѣ. «Ты же пойдешь на судъ человѣческой за то, что не подчинился суду божію.» Вотъ приговоръ мужу. Какъ могущественно и ясно выступаетъ здѣсь идея суда божія! Какъ хорошо видно, что для Краснова, котораго неминуемо покараетъ судъ человѣческой, еще есть надежда примириться съ высшею правдою, съ судомъ своей совѣсти, съ судомъ божіимъ!

Третью рецензію по порядку времени я встрѣтилъ въ январской книжкѣ «Русскаго слова», и признаюсь былъ изумленъ выше всякой мѣры, увидѣвъ, что рецензентъ пошолъ еще дальше своихъ предшественниковъ. По его мнѣнію драма разумѣется есть картина темной жизни, гдѣ семейное начало свирѣпствуетъ во всей своей первобытности, гдѣ господствуетъ азіатская неподвижность древне-русскаго обычая. На Таню рецензентъ смотритъ весьма ласково, называя ее женщиною нѣсколько романтической (вотъ Жмигулина, та должно быть совсѣмъ

романтическая?) и дѣйствительно любящею Бабаева. Смерть Тани есть именно главная точка, на которую обращено все вниманіе рецензента. Онъ ищетъ причинъ этого печальнаго событія и находитъ ихъ главнымъ образомъ въ томъ, что Красновъ считалъ себя полнымъ властелиномъ и повелителемъ жены, считалъ одного себя ея судьей. Хорошъ властелинъ! Не самъ ли Красновъ говоритъ женѣ, что онъ хочетъ отъ нея не страха, а любви? И мало чтоли онъ ухаживаетъ за нею? Ужели не ясно еще онъ показываетъ, что онъ все дѣлаетъ изъ любви, и служитъ ей, и защищаетъ ее, и убиваетъ ее?

Рецензентъ конечно самъ смутно чувствовалъ, что не одни патріархальныя убѣжденія и древне-русскіе обычаи виноваты въ дѣлѣ. И при другихъ убѣжденіяхъ и обычаяхъ Таня могла быть убита. Поэтому рецензентъ не останавливается на патріархальности и идетъ далѣе. Оказывается, что онъ открылъ радикальное средство для предотвращенія подобныхъ несчастій. Вся бѣда въ томъ,

что Красновъ не нигилистъ; будь онъ нигилистомъ, и Таня осталась бы живою и здоровою къ величайшему удовольствію всѣхъ и cadaго. Вотъ великое открытіе, которое подробно излагаетъ рецензентъ.

«Посмотримъ пристальнѣе, говоритъ онъ, какимъ бы исходомъ окончилась только что переданная намъ драма, еслибы главными дѣйствующими лицами ея были такъ-называемые нигилисты. (Неправда ли какъ это любопытно? Вы знаете, милостивый государь, мои сомнѣнія насчетъ существованія нигилизма. Не узнаемъ ли чего здѣсь?) Мы вѣдь доказали уже, что и нигилисты, подобно людямъ всѣхъ убѣжденій, подчиняются однимъ и тѣмъ же законамъ любви, указываемымъ природой (что-то страхъ беретъ; ужели это нужно было доказывать?); слѣдовательно и нигилистъ можетъ жениться, и также можетъ сдѣлать ошибочный выборъ, обманувшись во взаимной любви женщины, или она можетъ разлюбить нигилиста во время замужства (ну слава-богу! кажется

люди, какъ и всѣ прочіе). Всѣ порицатели нигилизма согласны, что нигилисты во всемъ дѣйствуютъ по убѣжденію; слѣдовательно какіе бы то ни было порывы ярости или безотчетныя антипатіи къ окружающимъ, не мыслимы въ нигилистѣ.»

Хотя положимъ это слѣдовательно вовсе не слѣдуетъ, но все-таки извѣстіе нужно строго принять къ свѣдѣнію. И такъ нигилисты способны къ любви и симпатіи, но къ ненависти и антипатіи неспособны. Изъ этого-то и вытекаетъ самое очаровательное рѣшеніе всѣхъ затрудненій.

«Еслибы мужъ-нигилистъ замѣтилъ въ женѣ недостатокъ сочувствія къ нему, то конечно прибѣгнулъ бы къ нравственному вліянію (это что такое? Тутъ кроется кажется насиліе?), и еслибы оно оказалось безуспѣшнымъ, никакихъ принудительныхъ мѣръ, а тѣмъ болѣе - мести принято бы не было; никакая бѣдность не заставила бы нигилиста жениться изъ расчета; надѣясь на свою способность къ труду и ограниченію

своихъ потребностей, нигилистъ не можетъ бояться бѣдности; желаніе жены разойтись съ мужемъ также ни въ какомъ случаѣ не встрѣтило бы препятствія со стороны нигилиста (разумѣется точно также и желаніе мужа оставить жену?), и оба нашли бы себя въ случаѣ несогласія, гораздо болѣе удовлетворенными нравственно и фактически, нежели это бываетъ между людьми, дѣйствующими, подобно Краснову, подъ вліяніемъ патріархальнаго сознанія своихъ правъ.»

Да, такъ вотъ въ чемъ дѣло. Нигилистамъ все это обходится гораздо легче. Въ случаѣ несогласія между мужемъ-нигилистомъ и женою-нигилисткою они вовсе не чувствуютъ себя до такой степени не удовлетворенными нравственно и фактически какъ люди, которые подобны Краснову. Такъ точно судить и дѣвица Жмигулина. «Это вы очень горячи къ любви-то, говоритъ она Краснову, а мы совсѣмъ другого воспитанія.» Въ этомъ вся и разгадка. Что же? Это прекрасно! Чѣмъ

легче, тѣмъ лучше. Напрасно Красновъ говоритъ: «коли горячій человѣкъ, такъ въ этомъ ничего худого нѣтъ-съ. Стало-быть онъ до всякаго дѣла горячъ.» Нѣтъ будемъ лучше похолоднѣе, уничтожимъ въ себѣ способность слишкомъ волноваться и тогда въ случаѣ бѣды мы будемъ чувствовать себя болѣе удовлетворенными, чѣмъ люди, которые и проч. И заживемъ превосходно! Драмъ происходитъ не будетъ и Островскіе переведутся.

Все-таки мнѣ кажется, что въ предыдущихъ объясненіяхъ рецензента нѣтъ главнаго принципа, котораго онъ держится. Онъ приберегъ этотъ принципъ къ концу своей статьи. «Послѣдняя сцена» пишетъ онъ, «произвела на насъ сильное впечатлѣніе.» Это впечатлѣніе состоитъ въ ужасѣ отъ мрака темнаго царства: «человѣкъ убилъ», пишетъ разстроганный рецензентъ, «черезъ нѣсколько минутъ, конечно будетъ горько въ этомъ раскаяваться, но онъ никогда и ни отъ кого еще не слышалъ слова убѣжденія, которое бы могло подѣйствовать на его разумъ, что

онъ караль безъ вины и безъ права. Нигдѣ не скажутъ этому человѣку, что онъ не былъ въ правѣ требовать отъ всякаго другого человѣка какого либо отчета въ его чувствахъ.»

Вотъ оно, вотъ золотое правило! Вотъ верхъ глубины и мудрости! Одно только меня сильно смущаетъ: не могу понять, для чего годится и что рѣшаетъ это мудрое убѣжденіе. «Можетъ-быть» торжественно заключаетъ свою статью авторъ, «шагая въ кандалахъ по торной владимірской дорогѣ, Красновъ самъ додумается до этого убѣжденія...»

Никакъ не согласенъ я съ такимъ остроумнымъ предположеніемъ. Я готовъ себѣ представить, что нашъ рецензентъ самолично сталъ бы внушать Краснову это убѣжденіе гдѣ-нибудь на владимірской дорогѣ, и живо воображаю себѣ, какой бы отвѣтъ могъ дать герой драмы. «Ты говоришь, что я не долженъ былъ спрашивать у Тани отчета въ ея чувствахъ? Такъ за что же ты меня-то винишь, за что отъ меня спрашиваешь отчета? Ужь скорѣе

же она могла совладать съ своими чувствами, чѣмъ я; я-то ужь былъ точно неволенъ въ себѣ, былъ самъ не свой; что ты меня не помнишь чтоли? Приревноваль до смерти; крови мнѣ ея захотѣлось; чего же тебѣ еще больше? А то ты еще коришь меня своими нигилистами; ну пусть они обиды не чувствуютъ, пусть у нихъ ни отчего сердце не разорвется и не поворотится; такъ и любятъ-то они должно-быть по рыби, а не такъ какъ я любилъ. А если ты скажешь, что они только умѣютъ владѣть своими чувствами, такъ отчего же потвоему Танѣ вовсе не нужно было это умѣнье? Вотъ я не совладѣлъ съ собою, не справился съ нечистымъ, такъ за то и наказанъ и справедливо наказанъ. По вашему-то можно бы вывести, что я и правъ; да я васъ спрашивать объ этомъ не стану. Не вамъ видно понять мою бѣду и мой грѣхъ.»

Кончимте однакоже эти разборы и возраженія. Вотъ у меня подъ руками еще «Очерки», съ статьею о той же драмѣ. Проглядываю: «народно-русская семья»,

«абсолютизмъ власти главнаго въ семьѣ», «Афоня золь по принципу»... Ну да, это тоже самое, это все варіаціи на одну тему. Но признаюсь, мнѣ стало тяжело уже отъ разбора предыдущихъ рецензій, и потому я уволю себя отъ продолженія этой работы. Очень желалъ бы выразить вамъ чувство, которое мною теперь овладѣло, но не знаю съумѣю ли. Есть нѣчто печальное, нѣчто наводящее стыдъ и смущеніе въ иныхъ случаяхъ, когда человѣкъ оправдываетъ и защищаетъ то что ему дорого. Онъ долженъ бываетъ допускать возможность и какъ бы законность такихъ сомнѣній, такихъ обвиненій, такихъ укоризнъ и подозрѣній, которыя уже сами по себѣ составляютъ обиду дорогого ему предмета. И тогда чѣмъ точнѣе его отвѣтъ, чѣмъ тщательнѣе его возраженіе, тѣмъ хуже, потомучто тѣмъ большее значеніе придается обвиненію, тѣмъ долѣе на немъ нужно останавливаться.

Поспѣшимъ къ общему заключенію. Изъ всего что я привелъ здѣсь, видно, что наша ходячая, обыкновенная критика, та

критика, которая вошла въ привычку и стала общимъ мѣстомъ, вовсе непонимаетъ Островскаго. По своему образу мыслей, по своимъ сужденіямъ наша критика всего болѣе сходится съ г-жою Жмигулиной, какъ это я доказалъ неоднократноными ссылками на слова этой дѣвицы. Говоря нѣсколько общѣе, наша критика по своему настроенію явнымъ образомъ принадлежитъ къ міру проходимцевъ; глазами проходимцевъ она смотритъ на драмы Островскаго, ушами проходимцевъ ихъ слушаетъ и разумомъ проходимцевъ ихъ судить. Она видитъ въ этихъ драмахъ, въ этихъ Красновыхъ, Архипахъ и проч., одно темное царство и похваливаетъ автора за вѣрность изображенія.

Между тѣмъ Островскій очевидно смотритъ на дѣло совершенно иначе. Для него очевидно миль и дорогъ міръ коренной русской жизни, онъ симпатизируетъ Красновымъ и Архипамъ, и въ нихъ однихъ находитъ свѣтлыя черты. Чтоже касается до міра проходимцевъ, до взглядовъ и чувствъ Жмигулиной, то онъ бичуетъ ихъ

всегда и вездѣ, и слѣдовательно вмѣстѣ съ тѣмъ бичуетъ и нашу критику, столь довольную и собой и его произведеніями. Если же критика этого не видитъ, то причину этому мы уже знаемъ: у нашей критики глаза на затылкѣ.

Позвольте мнѣ довести свою мысль до конца и вывести всѣ ея послѣдствія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что критика наша впала въ такое вопіющее недоразумѣніе не по лукавому умыслу, не съ тѣмъ, чтобы отвести глаза читателей; нѣтъ, ошибка ея произвольная, объясняемая искреннимъ увлеченіемъ. Предположимъ теперь, что истина рано или поздно откроется; допустимъ, что наша критика хотя въ нѣкоторой степени пойметъ Островскаго въ настоящемъ его смыслѣ. Спрашивается - какъ она отнесется къ нему, какъ будетъ судить о его произведеніяхъ? Мнѣ кажется предсказаніе здѣсь совершенно ясно.

Вопервыхъ критика станетъ защищать міръ проходимцевъ, міръ жмигулинскаго образованія и воспитанія. Она найдетъ, что онъ вовсе не заслуживаетъ того

безпощаднаго бичеванія, которому подвергаетъ его Островскій, что въ этомъ мірѣ есть много хорошаго и что Островскій клеветаетъ на него.

Вовторыхъ, она найдетъ, что Островскій напрасно сочувствуетъ міру кряжевой русской жизни, что въ этой жизни нѣтъ тѣхъ свѣтлыхъ сторонъ, какія онъ выставляетъ; что Красновы, Русаковы, Архипы - невозможны, сочинены, не существуютъ и не могутъ существовать въ дѣйствительности.

Втретьихъ наконецъ - дѣло ясное, милостивый государь, - какъ выводъ изъ предыдущаго, критика должна будетъ объявить, что Островскій ретроградъ, старовѣръ, что онъ противникъ образованія и прогреса и защитникъ невѣжества и застоя.

Таковъ мнѣ кажется неизбѣжный ходъ дѣла; нашей критикѣ остается одно изъ двухъ: или быть непослѣдовательною, измѣнить своимъ началамъ, или же забраковать Островскаго, какъ она забраковала Тургенева. Я надѣюсь,

милостивый государь, на ея твердость; я думаю, что она смѣло дойдетъ до конца; и въ самомъ дѣлѣ не остановилась же она передъ Тургеневымъ, отчего же ей остановиться передъ Островскимъ?

Г-нъ Островскій пусть извинить меня за печальное предсказаніе. Что же дѣлать! Онъ самъ виноватъ. Признаюсь откровенно я часто дивился его необыкновенной смѣлости; ничего таки, рѣшительно ничего не боится этотъ человѣкъ! Да чего хуже? Минина написалъ; такъ не то чтобы смолчали, или отъ души побранили - въ самомъ «Современникѣ» съ большою почестью напечатали! Между тѣмъ извѣстно - нынѣ всякій другой подъ страхомъ ходить; объ иныхъ вещахъ и заговорить нельзя, - такъ всѣ хоромъ на тебя и подымутся. А вотъ подите же - есть же смѣлые люди!

Н. КОСИЦА

Р. S. Прибавлю еще нѣсколько словъ о «Современникѣ». Можетъ-быть оно

выйдетъ и не то чтобы не кстати. Онъ очень прилежно обращается ко «Времени», почти такъ же какъ «Время» нѣкогда обращалось къ нему. Въ трехъ или четырехъ статьяхъ есть разныя выходки или вылазки противъ вашего журнала; есть также лукавыя обращенья ко мнѣ лично, нѣсколько разъ поминаются «Жители планетъ» г. Страхова и пр.

Во всемъ этомъ меня поразило одно: «Современникъ» до сихъ поръ или не хочетъ или не можетъ понять, за что на него нападаютъ и чего хотятъ тѣ, которые съ нимъ несогласны. Я уже не разъ писалъ вамъ, что непониманье помоему вовсе не резонъ; между тѣмъ «Современникъ» кажется думаетъ, что чѣмъ онъ будетъ слѣпѣе, тѣмъ и правѣе.

Приведу доказательства. «Современникъ» напримѣръ пишетъ: «Совѣтуемъ г. Косицѣ порыться въ настоящей книжкѣ «Современника»; вѣдь вотъ она какая большая; ожирѣлъ «Современникъ» отъ лѣни и бездѣйствія, ишь вѣдь какъ его разнесло; неволью его

собратья пожелаютъ ему для здоровья попоститься и вкусить пищи св. Антонія».

Не правда ли, что я имѣю полное право принять намекъ на свой счетъ? Всѣмъ и каждому дается понять, что есть злодѣи, въ томъ числѣ и я, которые въ глубинѣ души желали бы посадить «Современникъ» на пищу св. Антонія. А вѣдь что это значить? Вѣдь это значить: они меня съѣсть готовы, они рады бы меня въ ковшѣ утопить, они только и думаютъ, какъ бы сжить меня со свѣта... И не стыдно «Современнику» дѣлать такіе намеки на своихъ собратьевъ?

Не менѣе плохо понимаетъ «Современникъ» мнѣніе «Времени» вообще. Онъ находитъ, что «Время» черезчуръ самохвально, что оно слишкомъ хвастается. Чтожъ? Я согласенъ, что во «Времени» есть нѣкоторая хвастливость; только я не вижу тутъ ничего дурного. Всякій хвастается, и «Современникъ» даже больше, чѣмъ кто-нибудь другой; а хорошо ли это или дурно, это зависитъ отъ того, чѣмъ кто хвастается. Иной хвастается рысаками, и въ нихъ полагаетъ свою

гордость; другой хвастается идеею, и стоитъ за идею, - разница тутъ большая и нельзя ставить обѣ эти похвальбы на одну доску. Что кому дорого, тѣмъ тотъ и похваляется.

Если «Современникъ» замѣтилъ, что «Время» хвалится, то ему конечно слѣдовало бы хорошенько присмотрѣться чѣмъ «Время» хвалится. Что же онъ нашолъ, и на что указываетъ? По его словамъ «Время» хвастается какъ великимъ подвигомъ и открытіемъ будто бы тѣмъ, что оно нашло и оцѣнило по достоинству - общинное землевладѣніе, котораго держится русскій народъ. Что за непостижимая наивность! Да развѣ подобными вещами возможно хвастаться? Вѣдь это все-равно, что похвалиться знаніемъ нѣмецкаго языка (въ такой похвальбѣ укорялъ же меня одинъ критикъ), или удивляться образованности французовъ, потомучто тамъ каждый мужикъ говоритъ пофранцузски. Если «Время» сослалось на общинное землевладѣніе, то сослалось именно потому, что это фактъ общеизвѣстный,

всѣмъ знакомый, давно разъясненный и слѣдовательно самый удобный для ссылки.

Между тѣмъ «Современникъ» подымаетъ изъ-за этой мнимой похвальбы цѣлую битву.

Не вы, говорить, оцѣнили и разъяснили этотъ фактъ, а мы, это наша заслуга.

И значить мы умѣемъ цѣнить хорошія стороны русскаго быта.

И значить вы на насъ клеветаете, говоря, что мы преслѣдуемъ и искажаемъ эти хорошія стороны.

И значить вы ничего не нашли, вы питаетесь чужими мыслями, вы хвастунишки, фразеры, а все дѣло дѣлаемъ мы, мы, мы...

Удивительно! Вотъ какія богатая слѣдствія извлекъ «Современникъ» изъ того, что вы сослались какъ на примѣръ (такъ вѣдь у васъ стоитъ въ текстѣ), на всѣмъ извѣстное явленіе, на общинное владѣніе землею. Къ сожалѣнію только, какъ легко получились эти слѣдствія, такъ же точно легко они и опровергаются.

Во первыхъ отстаивать общинное землевладѣніе не значитъ еще стоять за народныя начала. Можно вѣдь отстаивать это землевладѣніе на основаніи французскихъ книжекъ и при этомъ отличиться полнѣйшимъ невѣдѣніемъ того, какъ дѣло дѣлается у насъ.

Вовторыхъ отстаивать только одно общинное землевладѣніе, значитъ именно неумѣть цѣнить и понимать другихъ хорошихъ сторонъ русскаго быта.

Въ третьихъ, отстаивая только одно общинное землевладѣніе, можно безобразнѣйшимъ образомъ преслѣдовать и искажать всѣ другія хорошія стороны народной жизни.

Въ четвертыхъ, если вы похваляетесь объясненіемъ только одного общиннаго землевладѣнія, то вамъ остается еще много искать и открывать. Вы ничего другого не хотите знать, вы все другое отказываетесь понимать и принимаете за фразу, - вотъ за что мы васъ и укоряемъ.

Дѣло, какъ видите, такъ просто, что и разсуждать-то тутъ нечего и отвѣчать почти

что не стоило бы. Но я хотѣлъ только этимъ показать, какъ упорно коснѣеть «Современникъ» въ своемъ непониманіи. Мнѣ очень понравилось, что среди своихъ наивныхъ упрековъ и самовосхваленій онъ самъ простодушно высказалъ, что онъ не знаетъ что такое творится во «Времени».

«Разные господа, пишетъ онъ, толкуютъ тамъ себѣ о чемъ-то, разводять какія-то рацеи, распускають непроницаемый туманъ».

Вотъ настоящее и искреннее мнѣніе «Современника» относительно «Времени». Онъ дѣйствительно никакъ не можетъ взять въ толкъ, о чемъ это оно толкуеть, и какія это оно рацеи разводить. Но если такъ, то какъ же «Современникъ» рѣшился объяснять чѣмъ хвастается «Время» и въ чемъ оно другихъ укоряеть? Оно очевидно хвастается чѣмъ-то, чего вы понять не можете и укоряеть въ чемъ-то, чего вамъ никакъ не сообразить. Не понимаете, такъ лучше бы и не говорили.

Что касается до меня лично, то безъ всякой гордости скажу, что я очень хорошо

понимаю «Современникъ». Я говорю это къ тому, что во мнѣ возгорѣлось очень сильное желаніе открыть одного писателя, который постоянно пишетъ въ «Современникъ». Статьи этого писателя отличаются необыкновенною туманностію; ихъ никто не понимаетъ и потому они не обращаютъ на себя никакого вниманія. Уже авторъ ихъ начинаетъ сердиться, начинаетъ негодовать, что его неслушаютъ. Вотъ почему я считаю долгомъ поспѣшить ему на помощь. Вполнѣ увѣренъ, что онъ останется доволенъ моею точностію, ясностію и отчетливымъ пониманіемъ того что онъ хочетъ сказать.
